

КРИСТИНЪ

1815 - й годъ.

Крестинъ.

Москва, 11 января.

Надѣюсь, что вы въ настоящее время въ Петербургѣ, но мнѣ жаль княжны Екатерины, а мы, Богъ знаетъ, чего ждали отъ ея прїѣзда. Да поможетъ Вамъ Богъ и да утѣшитъ Онъ Васъ. Я постоянно думаю о Васъ и съ нетерпѣніемъ жду извѣстій о Васъ; но увы! получить ихъ не могу надѣяться раньше будущаго воскресенья.

Theodore забралъ себѣ въ голову непременно уѣхать съ семьей въ пятницу. Онъ настоящее мельничное колесо, никогда не находящее себѣ покоя. Надѣюсь, что онъ отдумаетъ. Правда ли, что Гурьевъ и сынъ ѣдетъ въ Волынъ, какъ говоритъ г-жа Толстая? Постарайтесь узнать это. Николай Голицынъ уже уѣхалъ изъ Летичева; его эскадронъ стоитъ оттуда въ 60 верстахъ; графъ сообщаетъ мнѣ, что онъ этимъ очень доволенъ. Въ его послѣднихъ письмахъ много нѣжнаго для Васъ по случаю новаго года. Я бы вамъ повторялъ это каждый день, если бы слѣдовалъ внушенію своего сердца, но думаю, что надобль бы вамъ еще до Пасхи, и по этому умолкаю.

Сегодня большой вечеръ у Наталіи Абрамовны, а въ четвергъ дѣтскій костюмированный балъ у него же; Поль и Виржина приглашены на оба вечера. Мнѣ кажется, что Виржина Вамъ отчасти обя-

занаэтимъ; но она увѣряетъ, что Мэлианъ ея рыцарь, такъ какъ, по ея словамъ, мужчины лучше умѣютъ служить женщинамъ. Я не разувѣряю ее и не высказываю, что думаю. Какъ жаль сгорѣвшій чудный вѣнскій домъ Разумовскаго! Четыре челоуѣка сгорѣли; онъ самъ еле спасся!.. Говорятъ что графъ въ отчаяннн. Я приглашалъ его въ Москву, чтобы здѣсь утѣшиться.

Княжна Туркестанова.

С.-Петербургъ, 10 января.

Послѣдннє два дня нашего путешествнѣ были очень тяжелы; сестра страшно волновалась; по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ Петербургу, ея отвращеннє къ нему, или скорѣе ея боязнн передъ нимъ, очевидно усиливалась. Наконецъ въ пятницу я уже не знала, какому святому молиться: до того она волновалась; начались нервныя боли, и движеннє экипажа было для нея мученнємъ. Не смотря на 12-ти градусный морозъ, мы ее высаживали два раза, чтобы она немного прошлась. Сѣвъ въ карету, она чувствовала облегченнє не болѣе какъ полчаса, и страхъ снова возвращался. Жестокая мысль, что этотъ страхъ безпричиненъ, очевидно смущала ее, и она постоянно повторяла мнѣ: „Не хочу видѣть княгиню Борисъ, не хочу видѣть мадамъ де Нуазевиль“. Г-жа Апраксина всѣми средствами старалась успокоить ее, но напрасно. Къ вечеру она будто заснула, но вдругъ вскочила въ испугѣ спрашивая: „Прнѣхали?“ Ей отвѣтили: „Нѣтъ“. Я позаботилась поднять стекла, чтобы она не увидала заставы, и мы, такимъ образомъ, вѣхали въ городъ. Она нѣсколько успокоилась и спросила: „Прнѣхали?“ Я отвѣчала: „Да, и надѣюсь, что Богъ тебѣ вернетъ здоровье“. Она перекрестилась и пожелала взглянуть, гдѣ мы проѣзжали. Вскорѣ послѣ того мы доѣхали до дома г-жи Апраксиной и зашли къ ней. Сестра была рада увидеть давно знакомый домъ; подали чай, она съ удовольствнємъ выпила, а м-ше Комбъ, гувернантка Апраксиныхъ успокоила ее относительно ея болѣзни, приводя примѣры людей, вполне излѣчившихся отъ нея. Этотъ разговоръ былъ ей очень полезенъ. Въ одиннадцать часовъ мы поѣхали къ себѣ; я позаботилась отправить нашихъ горничныхъ впередъ, чтобы приготовить все во дворцѣ. Комнаты истопили, накурили, освѣтили; приготовили постели. Моя квартира ей очень понравилась; она легла и тотчасъ заснула, и послѣ утомительнаго дня прекрасно провела ночь, и проснулась только въ 9 часовъ. Я же не сомкнула глазъ, потому что хотѣла знать, какъ

пройдетъ ночь. Сестра проснулась веселая, и день прошелъ прекрасно. Сначала я немного беспокоилась относительно тѣхъ, кто могъ захватить въ этотъ первый день; но, слава Богу, все обошлось лучше, чѣмъ я смѣла надѣяться. Прежде всего прѣхала г-жа Кочетова, одна изъ придворныхъ дамъ, потомъ Рибопьеръ; а послѣ обѣда, когда мы сидѣли вдвоемъ, явился г. Свистуновъ и просидѣлъ цѣлыхъ два часа; закончила же вечеръ княгиня Борисъ. Всѣ разговаривали, стараясь развлечь сестру, она съ интересомъ слушала, и такъ время прошло до 10 часовъ. Когда мы остались одни, она мнѣ сказала, что довольна тѣмъ, что прѣхала сюда, и увѣрена, что ей будетъ здѣсь хорошо. До пяти часовъ она спала хорошо, но тутъ вдругъ проснулась въ испугѣ; съ ней сдѣлался нервный припадокъ, правда не сильный, но мѣшавшій ей уснуть до семи часовъ. Потомъ она заснула еще часъ, но утромъ встала не веселая. Однако она пошла въ церковь, опять видѣлась съ княгиней Борисъ, съ ея дочерьми, г-жей де Нуазевиль, Андреемъ, Гурьевой, и такъ какъ новыя лица ее развлекаютъ, мѣшая ей сосредоточиваться на себѣ, она принимала участіе въ разговорѣ. Однако, она много плакала. Г-жа де Нуазевиль чрезвычайно внимательна къ ней; она увѣряла ее, что она непременно выздоровѣетъ, что у г. де Водрейль бывали припадки хуже, чѣмъ у женщины. Гурьева говорила ей то же, указывая, ужъ не помню, на кого. Ей сдѣлалось лучше, хотя она сильно плакала. Я отвезла ее обѣдать съ Рибопьеръ, гдѣ она видѣла княгиню Юсупову и еще новыхъ лицъ. Тамъ ей было довольно хорошо, и мы вернулись часъ тому назадъ. Она легла, а я пользуюсь этимъ временемъ, чтобы написать вамъ. Я пригласила Крейтона къ ней завтра, предпочитая обратиться къ первому врачу въ городѣ, и хочу, чтобы онъ ее лѣчилъ. Косолапый Апраксиной тоже будетъ; пусть его дѣлаетъ черную работу, а Крейтонъ будетъ прѣзжать три раза въ недѣлю, чтобы судить о дѣйствіи средствъ, которыя онъ предпишетъ, я же день за день стану наблюдать за ея положеніемъ. Она должна серьезно лѣчиться, чтобы избавиться отъ нервныхъ припадковъ, заставляющихъ ее сильно страдать. Одобрите ли Вы мое рѣшеніе?

Я до смерти не забуду всего, что Вы сдѣлали для меня въ это тяжелое время, когда я положительно не знала, куда броситься. Повторяю, я никогда этого не забуду, и Вы останетесь на всю мою жизнь однимъ изъ людей, которыхъ я любила отъ всего сердца. Будьте увѣрены въ этомъ.

Увлеченіе танцами еще во всей силѣ, сегодня балъ у князя Александра Куракина; Императрица будетъ тамъ со всей свитой. 13

балъ при дворѣ по случаю рожденія Императрицы, я на него не поѣду; я буду представляться только въ воскресенье черезъ недѣлю, 17-го. Это я устроила исключительно, чтобъ уклониться отъ бала.

Я предвижу, что іезуитовъ изгонять на этихъ дняхъ. Я вамъ говорила это уже въ Москвѣ; надъ ихъ головой нависла темная туча. Она скоро разразится грозой, такъ какъ обо всемъ написали Императору. Виновникъ всего этого переполоха племянникъ Голицына. Этотъ пятнадцатилѣтній молодой человекъ, будучи въ церкви генерала Кутузова, своего родственника, отказался приложиться къ кресту по окончаніи обѣдни, говоря, что эта церковь не его церковь, что Господь просвѣтилъ его своимъ свѣтомъ, и что онъ убѣдился, что единственная истинная религія есть религія римско-католическая. Кутузовъ отправился къ дядюшкѣ мальчика, министру исповѣданій и завязаному врагу іезуитовъ. Тотъ немедленно послалъ за начальникомъ и порядкомъ намылить ему голову. Князь тотчасъ же взялъ племянника изъ пансіона, и многіе послѣдовали его примѣру. Мальчикъ, по моему мнѣнію, сдѣлалъ глупость, не приложившись къ кресту, такъ какъ католики поклоняются ему такъ же, какъ мы; онъ объяснилъ свое упорство въ данномъ случаѣ такъ, что получается убѣжденіе въ стараніяхъ навязать ему иную вѣру, потому что самому ему подобныя слова не могли бы придти въ голову. Какъ бы то ни было исторія надѣлала много шума, и я не понимаю іезуитовъ, которые въ собственномъ интересѣ должны были бы держаться тихо. Если присяга, которую они должны были принести, открывая свой пансіонъ, идетъ въ разрѣзъ съ ихъ совѣстью, имъ не слѣдовало давать ее. Этой присягой они обязывались никогда не стараться объ обращеніи кого либо подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Они измѣнили Государю и государству, пріютившему ихъ, когда преслѣдуемые, изгоняемые отовсюду, они не находили себѣ пристанища. Это происшествіе очень грустное, и, повторяю, они губятъ себя. Свистуновъ, сынъ котораго у нихъ въ пансіонѣ, тоже ѣздилъ туда, но не взялъ мальчика, и, между нами, я его одобряю. Интересно было бы знать, какъ въ этомъ случаѣ рассуждаетъ, и что дѣлаетъ г-жа Ростопчина.

КРИСТИНЬ.

Москва, понедѣльникъ 18 января.

Поговоримъ о іезуитахъ, которыхъ я люблю и уважаю, и которые меня глубоко огорчаютъ своей страстью обращать въ свою вѣру. И такъ уже, кажется, у нихъ достаточно враговъ, ненавидящихъ ихъ

безъ причины! Еще понадобилось нажать себѣ новыхъ на законномъ основаніи. Каково бы ни было ихъ убѣжденіе въ догматѣ, что нѣтъ спасенія внѣ римско-католической церкви, у нихъ достаточно ума и знанія людей и исторіи, чтобы понимать, что нельзя касаться господствующей церкви въ государствѣ, не подвергая себя непріятностямъ, и что мудрое и предусмотрительное правительство должно тщательно заботиться о предотвращеніи всякихъ происшествій подобнаго рода. Меня удивляло молчаніе Синода относительно Александра Дивова; сомнѣваюсь, чтобы это дѣло прошло незамѣченнымъ; а если бы такъ случилось, то это служило бы доказательствомъ, что у іезуитовъ есть вліятельные друзья. Я бы, во всякомъ случаѣ, совѣтовалъ имъ держаться тихо и оставаться вѣрными присягѣ, которой отъ нихъ предусмотрительно потребовали при ихъ водвореніи въ Петербургѣ. Надо смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія государственныхъ людей, а не фанатиковъ. Не понимаю рвенія, охватившаго Европу въ религіозныхъ вопросахъ; кажется будто наступила реакція послѣ разсудочнаго направленія прошлаго вѣка. Но каждая реакція имѣетъ свои опасныя стороны, потому что обыкновенно не достигаетъ цѣли. Мнѣ тоже приходится въ голову, что выходка молодого Голицына обошлась не безъ участія его дяди, который будучи министромъ исповѣданій, далеко не отличается терпимостью, требуемой его положеніемъ. Не то, чтобы онъ покровительствовалъ греческой церкви въ ущербъ римско-католической,—это было бы понятно и извинительно,—но, повидимому, онъ и вся клика библейскаго общества возстаютъ противъ католическихъ догматовъ обѣдни,—исповѣди, пресуществленія,—имѣя въ виду замѣнить ихъ въ англиканской религіи или даже шотландскимъ пуританизмомъ. У греческой религіи такъ много общаго съ католической, что нельзя касаться догматовъ послѣдней, не коснувшись первой.

Вы, слѣдовательно, не замѣтили никакого удовольствія со стороны княгини Boris и г-жи де Нуазевилль на меня? Г-жа де Нуазевилль чрезвычайна умна: она, повидимому, вовсе не опечалилась моему противодѣйствію ея желаніямъ; но малу по малу перешла въ тонъ, подходящій къ моему, и теперь можно подуматъ, что она всегда вмѣстѣ со мной считала это невозможнымъ, невысказаннымъ, нелѣпымъ. Я задаю себѣ вопросъ: неужели это написано той-же рукой, которая писала мнѣ совершенно иное? Она предполагала, что я безъ всякаго сомнѣнія стану на ея сторону. Ошибившись, она чувствуетъ, что ея намѣренія не изъ тѣхъ, которыя можно высказывать открыто другимъ, кромѣ людей посвященныхъ, и выпутывается изъ неудобнаго положенія съ изумительной ловкостью.

Графъ сообщаетъ мнѣ, что онъ направилъ на путь истинный—дочь, ни о чемъ не думающую (дай Богъ, чтобы онъ не ошибся). Вотъ что онъ сказалъ мнѣ еще: „Бѣдная мать молодого человѣка заблуждается относительно его поведенія; на примѣръ, она думаетъ, что сынъ ея получилъ 700 рублей изъ денегъ, присланныхъ ею мнѣ; а онъ преспокойно забралъ всѣ 5500 рублей, и опасаюсь, что ко всѣмъ порокамъ, которые за нимъ подозрѣваютъ, въ немъ не присодинялось бы еще лицемѣріе. Онъ выставляетъ на показъ чрезвычайную набожность и слишкомъ ужъ старается держаться такого тона. Онъ въ настоящее время далеко, но думаю, что вернется ко мнѣ, а такъ какъ я намѣреваюсь съѣздить на Кіевскіе контракты, то воспользуюсь этимъ предлогомъ, чтобы дать понять ему, чтобы онъ не возвращался, и такимъ образомъ все будетъ кончено“. Спросите, пожалуйста, г-жу Ростопчину, что она думаетъ о дѣлѣ іезуитовъ, и напишите мнѣ, вѣрно ли, что они заставили заплатить 40 тысячъ рублей за сервизъ Людовика XVI? Мнѣ это кажется невозможнымъ, но здѣсь такъ говорятъ.

Графъ Толстой пріѣхалъ три дня тому назадъ; онъ тотчасъ же извѣстилъ меня, и я отправился къ нему. Со времени Вашего отъѣзда я не былъ у графини, и мнѣ показалось, что мое появленіе у Теодора и Наталіи Абрамовны ее смутило. Я очень люблю ея мужа и буду часто бывать у него, но не пойду къ женѣ, пока она не научится щадить моихъ друзей, на которыхъ она ополчается больше чѣмъ когда нибудь, приписывая имъ мою перемѣну въ отношеніи ея. И совершенно напрасно. Она не разъ видѣла, что хорошо извѣстная мнѣ враждебность не вліяетъ на меня, и что я могу быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ двумя женщинами, которыя не любятъ другъ друга, лишь бы онѣ не говорили одна о другой. Но когда сильный злоупотребляетъ своей силой, чтобы уничтожить слабаго, то надо быть трусомъ и безсердечнымъ, чтобы не стать на сторону притѣсняемаго.

Если я поѣду въ Подолію, я Вамъ сообщу какъ поступать, чтобы я получалъ тамъ Ваши письма, а самъ напишу Вамъ съ дороги и изъ Летичева. Я получу черезъ 10 дней отвѣтъ отъ графа относительно этого путешествія, на которое онъ, вѣроятно, выразитъ свое согласіе. Я уже знаю, что онъ отказался отъ мысли о поѣздкѣ въ Петербургъ, куда Байковъ всѣми силами старался привлечь его, нуждаясь въ его протекціи. Если увидите этого Байкова, расскажите ему о Летичевѣ, но знайте, что онъ плохой человѣкъ, безъ всякой совѣсти, и примите это во вниманіе, какъ въ отношеніи довѣрія къ его словамъ, такъ

и того, что сами будете говорить ему. Повѣрьте, что я люблю Васъ всѣми силами моей души и буду любить по гробъ.

Виржини заболѣла сильной катаральной лихорадкой, и не смотря на то пожелала явиться въ среду у г-жи Тормасовой, а въ четвергъ у Наталіи Абрамовны, не ради удовольствія, какъ сами можете посудить, но чтобъ не подумали, что она не появляется изъ за г-жи Т. Подобное удовлетвореніе самолюбія стоило ей дорого: она слегла, сильно заболѣвъ. Вчера я видѣлъ г-жу Эверсъ, у которой какая то странная боль въ кисти руки.

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ 14 Января.

Здоровье сестры опять день хорошо, день плохо, лихорадка возобновилась черезъ день; къ счастью припадокъ начинается въ 7 часовъ утра, такъ что ночь почти всегда проходитъ спокойно. Припадокъ оканчивается къ часу или къ двумъ; остальной день ей не хорошо, но уже въ другомъ родѣ: она только плачетъ и груститъ; мысль о сумашествіи совершенно исчезла, хотя по временамъ она подходитъ къ зеркалу и разсматриваетъ глаза, которые, увѣряю Васъ, такіе же, какъ и у меня, кромѣ небольшой красноты отъ слезъ. Не знаю, что она думаетъ про себя, но уже не говоритъ ни о сумашествіи, ни о Германіи. Въ здоровый день она чувствуетъ себя прекрасно; вчера мы обѣдали у княгини Борисъ, и она разговаривала, какъ и другіе. Крейтонъ заѣзжаетъ каждое утро; онъ снова прописалъ хину и приказываетъ выѣзжать и развлекать сестру даже въ дни припадокъ. Еслибъ Господь послалъ мнѣ милость, и сестра поправилась бы отъ этой тяжелой болѣзни, я могла бы вернуться къ своему обычному образу жизни, который теперь совершенно нарушенъ: я не читаю ничего, не молюсь; постоянно волнуюсь; и если находится свободная минута, то только поздно, когда сестра легла спать. Вѣроятно Богу угодно, чтобъ было такъ, и вѣроятно Его воля, чтобы я на время отказалась отъ своихъ наклонностей иногда послушать проповѣди и подумать. Не говорю, „предаться размышленію“, это было бы слишкомъ высоко для меня. Да будетъ Его воля! Быть можетъ отнятое у меня будетъ мнѣ когда нибудь возвращено.

Г-жа де Нуазевилль взбирается ежедневно на мои 113 ступеней и вовсе не тяготится. Она прекрасная личность, что бы ни говорила г-жа Толстая, мужъ которой, вѣроятно, уже вернулся къ ней. Напи-

шите мнѣ, видѣли ли Вы его, доволенъ ли онъ и какъ намѣревается распорядиться собой. Я напишу графинѣ съ слѣдующей почтой. Мнѣ кажется, что она должна быть очень довольна моимъ отъѣздомъ, чтобы снова обрѣсти Васъ. Съѣздите къ ней, прошу Васъ, и не вѣрьте сплетнямъ. Напишите мнѣ, какъ отвѣтила г-жа де Нуазевилль на письмо, которое Вы мнѣ прочли; она должна была найти его очень разумнымъ. Пока княгиня Борисъ преисполнена лучшихъ чувствъ къ Вамъ; изъ этого надо заключить, что она осталась довольна содержаніемъ этого письма, если только его ей показали. Николай испыталъ новое униженіе отъ Великаго князя, и онъ не можетъ двинуться изъ своего гарнизона; ему не даютъ ни отпуска, ни отставки; его покровителямъ въ Летицевѣ все это, вѣроятно, не нравится; они должны видѣть, что не такого мужа нужно дѣвицѣ Марковой. Молодой человекъ пишетъ матери отчаянное письмо; онъ говоритъ, что преслѣдованіе Великаго князя въ данную минуту лишаетъ его всякой надежды на счастливое будущее. Здѣсь нѣтъ ничего новаго; Богъ знаетъ, что происходитъ на Конгрессѣ. Съ нашей стороны все дѣлаетъ графъ Андрей Разумовскій и Капподистрія, находящійся подъ его начальствомъ.

Кристинѣ.

Москва, Вторникъ вечеромъ, 19 Января.

Въ письмѣ, присланномъ черезъ г. Олсуфьева де Нуазевилль пишетъ мнѣ такія вещи, о томъ, кто лишаетъ отпуска ея протеже, что я объясняю ея слова именно этимъ отказомъ, хотя она, и не упоминаетъ о немъ ни единымъ словомъ. Княгиня и г-жа де Нуазевилль должны понять по этому отказу, что вины молодого человека еще не преданы забвенію. Я Вамъ писалъ въ своемъ вчерашнемъ письмѣ, что мнѣ сообщаютъ о немъ изъ Подольской губерніи. Очень радъ, что на меня не сердятся у Васъ; было бы напрасно; но это одинъ изъ случаевъ, когда надо чувствовать благодарность къ людямъ, если у нихъ хватаетъ благоразумія быть правыми. Я приглашенъ сегодня вечеромъ къ Софіи; предполагаю, что тамъ будутъ *его друзья*, такъ какъ Васъ нѣтъ, чтобы преградить имъ доступъ; но я не пойду. Виржини заболѣла довольно серьезно, и въ этихъ случаяхъ ея единственное утѣшеніе—Поль, и Поль исполняетъ свой долгъ. Знаете, кто еще очень боленъ? Г-жа Толстая; она слегла въ постель неизвѣстно отъ чего, но мужъ, ея говорилъ мнѣ, что она очень боится смерти и упала духомъ. Въ то время, какъ я разговаривалъ въ передней съ мужемъ, пріѣхала Наталія Абрамовна и не была допущена къ княжнѣ, изъ чего я вывелъ заключеніе, что больная считаетъ свое состояніе тяжелымъ, разъ отка-

зывается принимать свою первую подругу и союзницу *по языку*. Я, конечно, желаю отъ всей души быстрого и полного выздоровленія г-жѣ Толстой; но былъ бы радъ, если бы страхъ смерти заставилъ ее размыслить о тщетѣ злословія и маломъ утѣшеніи, приносимомъ имъ людямъ, лежащимъ въ постелѣ. Я не могу сказать Вамъ, въ чемъ ея болѣзнь, говорятъ, будто это ложная жаба; но по моему, тутъ примѣшана и женская болѣзнь, такъ какъ нервная система, повидимому, затронута, и мужъ говоритъ о такомъ упадкѣ физическихъ и умственныхъ силъ, какого онъ никогда у нея не видалъ.

Кристинь.

Москва, 20 января.

Я провелъ часъ у графа Толстого въ его кабинетѣ; женѣ его еще хуже, чѣмъ въ понедѣльникъ, и она все боится смерти, что пугаетъ мужа. Кибальчичъ не пускаетъ никого къ больной, даже г-жу Шереметеву. Онъ увѣряетъ, что не послѣдуетъ ничего серьезнаго, но все же въ этой болѣзни и необычайномъ затворничествѣ есть что-то необыкновенное. Сегодня утромъ я посылалъ справиться о здоровьи; ночь прошла плохо; больная сильно страдаетъ. Я пройду еще сегодня вечеромъ къ мужу и предупрежу его, чтобы онъ скрылъ письма изъ Подолія, изъ которыхъ графиня узнала бы, что тѣло графини Сень-При везутъ сюда; не слѣдуетъ ей сообщать это, пока она больна. Графъ Сень-При приѣдетъ сюда вскорѣ, но дѣтей своихъ онъ оставляетъ у Маркова до его отъѣзда въ Италію.

Четвергъ 21 января.

Тѣло г-жи Сень-При привезли на дворъ, когда я былъ у графа; гробъ тотчасъ же отправили въ Донской монастырь, и завтра графъ втихомолку отправится на кладбище, чтобы опустить тѣло въ семейный склепъ; отпѣваніе было совершено епископомъ Каменецкимъ до перевозки. Г-жа Толстая не узнаетъ ничего до своего выздоровленія. Графъ Толстой поѣдетъ въ Петербургъ къ возвращенію Государя; онъ говоритъ, что намѣревается просить отпуска до октября, проведетъ праздникъ въ Троицкомъ, а осенью переселится въ Петербургъ съ чадами и домочадцами. Мнѣ его жаль лично, потому что онъ—жемчужина между людьми по добротѣ, прямотѣ и честности; но, признаюсь вамъ, я буду очень доволенъ, когда его жена уѣдетъ изъ Москвы. Кумушки потеряютъ своего запѣвалу, и сплетни постигнутъ упадокъ и презрѣніе, когда онъ лишится своей знаменитой поддержки.

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ, 18 января.

Несмотря на насмѣшки г-жи де Нуазевиль, г. Свистуновъ на прекрасномъ пути; религія вполнѣ измѣнила его; онъ сталъ добръ, оказывается благодареніе, вообще совсѣмъ измѣнился; можете называть его мечтателемъ, мистикомъ—чѣмъ хотите, но одно несомнѣнно: что изъ человѣка вѣтреннаго и непослѣдовательнаго, какимъ онъ былъ, онъ сталъ очень основательнымъ.

Возвращаюсь къ сестрѣ. Крейтонъ приказалъ ей брать ванны съ прибавкой небольшого количества водки, чтобы укрѣпить ее. Она начнетъ ихъ завтра. Докторъ продолжаетъ увѣрять, что въ ея болѣзни нѣтъ ничего опаснаго, даже тревожнаго, и что весна принесетъ ей облегченіе. Лишь бы только это прошло, я согласна терпѣливо ждать, но сколько безпокойства предстоитъ еще ей, бѣдняжкѣ! Вчера я представлялась Императрицѣ, и она много говорила о Catherine, увѣряя, со словъ Крейтона, что она быстро поправится. Она милостиво предложила мнѣ нѣсколько вопросовъ о болѣзни сестры и посоветовала почаще вывозить ее, чтобы развлекать. Я такъ и дѣлаю, когда у нея нѣтъ лихорадки, но когда она волнуется, я удерживаю ее дома.

Я обѣдала вчера у Вальполя, котораго прежде находила очень пріятнымъ; но теперь при моемъ настроеніи онъ только до крайности утомилъ меня. Тамъ были Куракинъ и Рибопьеръ съ женами а также Аглая Давыдова. Больше дамъ не было; изъ мужского общества—сливки Петербурга. Изъ кожи вонъ лѣзли, чтобъ быть любезными, наговорили тысячу пустяковъ; вѣроятно и на мою долю пришлось ихъ не мало, но при всей этой болтовнѣ я не могла не содрогнуться, подумавъ о всѣхъ тѣхъ глупостяхъ, которыми мы угощаемъ другъ друга! Если правда, что намъ суждено отдать отчетъ въ каждомъ праздномъ словѣ, то, Боже мой, сколько ихъ у меня на душѣ послѣ обѣда Вальполя! Лиза Куракина слушаетъ болтовню г-на де Ноай, который, по моему, пустой человѣкъ; англичанинъ тоже по временамъ отпускаетъ ей какой нибудь приторный комплиментъ, а мужъ блѣдный съ блуждающимъ взоромъ ни на что ни похожъ. Исторія съ Гагаринымъ заставила его придерживать язычекъ, и онъ точно въ воду опущенный. Мы обѣдали въ 6 часовъ, вышли изъ за стола послѣ семи, и мужчины выпили не мало вина. Пропѣли хоромъ *God save the King*, потомъ подали кофе, а потомъ я поспѣшила уѣхать, и въ половинѣ девятаго уже вернулась

во дворецъ, въ совершенномъ изнеможеніи, не будучи въ состояніи произнести ни слова.

Кристинь.

Москва, вторникъ, 26 января.

И въ восторгъ отъ сказаннаго вамъ императрицей о *Catherine*: это доказываетъ, что она не имѣетъ ничего противъ пребыванія Вашей сестры во дворцѣ, и кромѣ того, всегда лестно внушать участіе владыкамъ міра. Г-жа де Нуазевиль сообщаетъ мнѣ, что послѣ пріѣзда и обратнаго отъѣзда князя, княгиня Борнсъ возьметъ къ себѣ Вашу сестру совѣмъ. Надѣюсь, что вы не воспрепятствуете этому, хотя бы вамъ и не хотѣлось разстаться съ сестрой. Во первыхъ, вы такимъ образомъ станете гораздо свободнѣе, а *Catherine* съ минуты пробужденія до отхода ко сну будетъ среди людей, что ей полезно. А такъ какъ вѣчно говорить съ кѣмъ-нибудь, составляетъ необходимость для княгини, то ваша сестра составитъ для нея настоящую находку. Такимъ образомъ, я во всемъ этомъ вижу только хорошее для обѣихъ сторонъ, а для васъ облегченіе.—Почему вы упрекаете себя за „праздныя“ рѣчи у Вальполя? Ахъ, Боже мой, гдѣ ихъ не говорятъ! Это ужъ значитъ слишкомъ буквально понимать слова Евангелія. Даже у монаховъ бывають часы отдыха, я замѣчають, что наиболѣе любезные въ это время, обыкновенно усерднѣе всего исполняютъ свой строгій обѣтъ. Трапеза для всѣхъ—разрѣшенное время необходимаго отдыха. Не терзайтесь-же тѣмъ, что вы были любезны во время обѣда, напротивъ, позволять себѣ почаще эту любезность, которая такъ естественна въ васъ, которая все украшаетъ и сглаживаетъ житейскія невзгоды. Не допускайте злословія, способнаго повредить ближнему, но легкая насмѣшка и невинная шутка всегда допустима для тѣхъ, кто, какъ Вы, имѣетъ способность такъ удачно владѣть имп.—Вы уже потеряли здѣсь часть своей репутаціи и Маріи Алексѣевны *); мужъ ея на дняхъ сказалъ *Sophie*: „Вы, кажется, дѣлаетесь такой же сумрачной, печальной и скучной, какъ ваша сестра *Barbe*?“ Софи отвѣчала съ нѣкоторымъ удивленіемъ: „Я рѣшительно не понимаю, что вы хотите сказать; въ сестрѣ нѣтъ ничего подобнаго“. Толстой возразилъ: „Говорятъ, что она такова; я знаю, что прежде можно было пріѣхать изъ за границы, чтобы послушать ея разговоръ два, три часа, а теперь жена увѣряетъ, что она неузнаваема, что она вдалась въ ханженство, въ мистицизмъ, стала мрачна, молчалива—однимъ словомъ, что въ ней произошла

*) Графини Толстой.

перемѣна, огорчающая ея друзей".—Софи тотчасъ отвѣтила. „Но вѣдь г-жа Толстая тоже набожна, а развѣ вы находите, что она изъ за того стала *молчалива?*“.—„О,—отвѣтилъ мужъ, тутъ набожность совершенного иного рода“.—Мнѣ все это рассказывала Софи; но если она вамъ не напишетъ, не говорите ей ничего. Она была возлѣ больной съ княгиней *Théodore*, когда произошелъ этотъ разговоръ; графинѣ, какъ будто стало неловко. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы графъ заговорилъ объ этомъ предметѣ со мной, я бы ему какъ дважды два доказалъ, что онъ самъ не знаетъ, что говорить, и что у его жены только одна мѣрка для оцѣнки людей и сужденія о нихъ: т. е. матеріаль, который они даютъ для ея сплетенъ. Она любитъ и до небесъ превозносить Наталію Абрамовну и ея дѣтей: это святые, ангелы, потому что, выйдя изъ церкви они на клочки раздираютъ ближнихъ и даютъ ей возможность посмѣяться; но люди набожные, строго относящіеся къ болтовнѣ, на ея взглядъ—скучные мистики. Нѣтъ человѣка упрямѣе въ своихъ мнѣніяхъ, чѣмъ графиня Толстая: она создаетъ репутаціи съ антихристіанской гордостью, и мы какъ нибудъ изъ за этого съ ней сдѣшмся; безъ того не обойдется. Въ воскресенье я былъ у нея; она приняла меня въ постели; мужъ былъ ко мнѣ чрезвычайно любезенъ; доложили, что кушать подано; я всталъ.—„Отобѣдайте съ нами“,—сказала графиня.—Извиняюсь, что не могу, я отозванъ.—„Куда?“—Къ г-жѣ де Бролли.—Она сдѣлала ужасную гримасу, и я ушелъ. Вечеромъ я зашелъ къ Теодору; вашъ дядя у двое другихъ игроковъ въ винтъ уговорили меня сыграть 8 робберовъ, что заставило меня остаться ужинать. За ужиномъ я очутился около графа Алексѣя Орлова, съ которымъ мнѣ хотѣлось познакомиться. Я остался имъ очень доволенъ. Послѣ ужина танцовали матадуру; я въ первый разъ слышалъ объ этомъ танцѣ; мнѣ было любопытно взглянуть; затѣмъ послѣдовалъ еще танецъ—я забылъ его смѣшное названіе—и мнѣ захотѣлось тоже посмотреть.... Однимъ словомъ, я вернулся въ 4 часа утра; мой камердинеръ не спалъ и перекрестился, увидавъ меня: онъ думалъ, что уже не случилось ли чего. Это служить доказательствомъ того, какую правильную жизнь я веду.

Сейчасъ у меня былъ Титовъ. Я ему рассказалъ, какъ вы весело обѣдали у Вальполя.—„Что это еще за Польша?“—спросилъ онъ меня.—Англійскій министр.—Тутъ онъ сдѣлалъ сердитые глаза.—„Чего ей надо у иностранныхъ министровъ?“ Это ей можетъ сильно повредить.—Почему, вѣдь были еще другія дамы.—„Да, но фрейлина не должна позволять себѣ того, что дѣлаютъ другіе; люди, состоящіе при дворѣ, должны быть очень осторожны въ своихъ знакомствахъ съ иностран-

цами; передайте ей, пожалуйста, что она попадетъ въ какую нибудь непріятную исторію съ своими посѣщеніями пословъ“. Я напрасно убѣждалъ его, что фрейлинъ вовсе неизвѣстны государственный тайны, и что она можетъ безъ опасенія бывать у иностранцевъ такъ же, какъ у мѣстныхъ жителей; онъ продолжалъ стоять на своемъ, что вамъ не слѣдуетъ бывать у Поля, и что онъ умоляетъ поставить вамъ это на видъ. Бѣдный Титовъ, онъ считаетъ себя цензоромъ нравовъ и въ качествѣ такого приписываетъ себѣ нѣкоторое значеніе; но въ сущности онъ напичканъ мелочнымъ самолюбіемъ и тщеславіемъ, не меньше кого либо другого. Но онъ прямъ и добръ: это всегда поддерживать его.

